

ОБРАЗ РОССИИ И ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ Ф. А. СТЕПУНА И Е. В. СПЕКТОРСКОГО

УДК 82-94

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-38-46>

О. Т. Ермишин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
научно-исследовательский центр Дома русского зарубежья им. А. Солженицына,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены воспоминания Ф. А. Степуна и Е. В. Спекторского с позиций их личного исторического и культурного мировоззрения. Автор статьи анализирует образ России в этих воспоминаниях, выводы и обобщения Ф. А. Степуна и Е. В. Спекторского. Ф. А. Степун обращает внимание на процессы, которые привели к революции 1917 года. Революция – это стихийное явление, которая не имело рациональной логики, но Степун попытался раскрыть в воспоминаниях основные направления в ее развитии. По мнению Степуна, сущностью русской революции были хаос и разрушение, но революционеры, разрушив старую Россию, начали создавать государственный порядок, построенный на новых социальных принципах. Е. В. Спекторский, в отличие от Степуна, меньше интересовался общественно-политическими проблемами; основное внимание в его воспоминаниях направлено на научную и университетскую жизнь. Спекторский детально описывает свой путь в науке, деятельность в Варшавском и Киевском университетах. Воспоминания Спекторского не завершаются 1920 годом, годом его отъезда из России, а описывают жизнь русской эмиграции в Югославии. По мнению автора статьи, Ф. А. Степун и Е. В. Спекторский представили не только мемуары, а показали два направления в исследовании исторической памяти.

Ключевые слова: русская эмиграция, история русской культуры, русская философия, воспоминания, россиеведение, историческая память.

Для цитирования: Ермишин О. Т. Образ России и феномен исторической памяти в воспоминаниях Ф. А. Степуна и Е. В. Спекторского // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №1 (117). С. 38–46. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-38-46>

ЕРМИШИН ОЛЕГ ТИМОФЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ; ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

ERMISHIN OLEG TIMOFEEVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Research Fellow at the Research Centre, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

© Ермишин О. Т., 2024

THE IMAGE OF RUSSIA AND THE PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY IN THE MEMOIRS OF F. A. STEPUN AND E. V. SPECTORSKY

Oleg T. Ermishin

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Research Center of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Abstract: The author of the article considers the memoirs of F. A. Stepun and E. V. Spektorsky from the point of view of personal historical and cultural worldview. He analyzes the image of Russia in these memoirs, the conclusions and generalizations of F. A. Stepun and E. V. Spektorsky. F. A. Stepun pays attention to the processes that led to the revolution of 1917. The revolution is spontaneous phenomenon that did not have rational logic, but Stepun tried to reveal in his memoirs the main directions in its development. According to Stepun, the essence of Russian revolution was chaos and destruction, but the revolutionaries, destroying old Russia, began to create state order built on new social principles. E. V. Spektorsky differs from Stepun, he less interested in socio-political problems, and the main attention in his memoirs directed to scientific and university life. Spektorsky describes in detail his way in science, activities in the universities of Warsaw and Kyiv. Spektorsky's memoirs do not end in 1920, the year of his departure from Russia, but describe the life of Russian emigration in Yugoslavia. According to the author, F. A. Stepun and E. V. Spektorsky presented not only memoirs, but showed two directions in the study of historical memory.

Keywords: Russian emigration, history of Russian culture, Russian philosophy, memoirs, Russian studies, historical memory.

For citation: Ermishin O. T. The image of Russia and the phenomenon of historical memory in the memoirs of F. A. Stepun and E. V. Spektorsky. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 1 (117), pp. 38–46. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-38-46>

В русском зарубежье XX века происходили сложные духовные процессы. Многие из русских эмигрантов, осмысливая прошлое, пришли к выводу, что революция 1917 года была следствием тотального кризиса, который был не только общественно-политическим, но, прежде всего, мировоззренческим и культурным. Ниже рассмотрены воспоминания двух русских философов, в которых представлены взгляды на проблемы российского дореволюционного общества и описан образ России с точки зрения исторической памяти.

В 1937 году, живя в Германии, философ и литератор Федор Августович Степун после того, как был отстранен нацистами от преподавания и стал получать небольшую пенсию, решил, что пора подвести итоги своей жизни, и начал писать воспоминания, работа над которыми заняла в общей сложности около одиннадцати лет. Степун описал начало рабо-

ты над воспоминаниями «Бывшее и несбывшееся» в письме к М. М. Кульман: «У нас стоит осень, – не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же “живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов”. Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первую часть моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья – чайный. Думаю, лет на 5–6 мне работы хватит» [5, с. 146–147].

Следует сказать, что воспоминания философов обычно не сильно отличаются от мемуаров других авторов, которые рассказыва-

ют, прежде всего, о себе и затем о том, что их окружало в жизни. Классическим примером таких мемуаров является «философская автобиография» Н. А. Бердяева в книге «Самопознание» (1949). Федор Степун выделяется среди философских мемуаристов тем, что ставит себе некоторую сверхзадачу, о которой заявляет уже в предисловии к воспоминаниям «Бывшее и несбывшееся» (1956): дать не личные воспоминания, а показать общую историческую память, сосредоточенную в образе России. Он пишет: «В противоположность воспоминаниям память со временем не спорит; она не тоскует о его безвозвратно ушедшем счастье, так как она несет его непреходящую правду в себе. Воспоминания – это романтика, лирика. Память же, анамнезис Платона и вечная память панихиды, – это, говоря философским языком, онтология» [4, с. 6]. Таким образом, Степун стремится реконструировать онтологию через образ России, который сохранился в его памяти, причем постоянно переходя от лирических воспоминаний, художественно и вдохновенно описанных, к тому, что, на его взгляд, останется в «вечной памяти» поколений. С самого начала 1-го тома «Бывшего и несбывшегося» автор строит повествование между «воспоминаниями» и исторической «памятью», что дает в какой-то мере особенное «стереоскопическое» восприятие прошлого.

Ф. А. Степун избирает своеобразный путь исследования и реконструкции. Он постоянно соотносит детские воспоминания с оценками, которые дает уже с точки зрения себя как взрослого человека, обладающего опытом и знаниями. В результате Степун глазами ребенка видит свое детство как утерянный рай, но одновременно делает социологические обобщения и объясняет причины того, почему образ и строй дореволюционной России были так безжалостно разрушены. Он поясняет: «Не сорвись русская жизнь со своих корней, не вскипи она на весь мир смрадными пучинами своего вдохновенного окаянства, в памяти остались бы одни райские видения. Но Русь сорвалась, вскипела, “взвихрилась”

В ее злой беде много и нашей вины перед ней. Кто это совестью понял, тому уже не найти больше в прошлом ничем не омраченных воспоминаний» [4, с. 11]. Воспоминания Степун «омрачает» своими довольно жесткими оценками и выводами. По его мнению, образ России складывался из двух стихий – земли и народа, но между высшими классами и многомиллионными народными массами была огромная пропасть, которую смогла преодолеть только революция.

Кроме рассмотрения фактов в контексте грядущей революции, в воспоминаниях Ф. А. Степуна есть еще одна явная особенность: автор постоянно рисует культурный фон своей жизни, что дает дополнительные сведения для понимания его личного восприятия. Так, например, Степун отмечает то влияние, которое на него оказали в детстве театр и литература. Он пишет: «Восемь спектаклей за зиму давали душе и фантазии больше, чем восемь месяцев школьного учения. Сцена воспитала, как в нас с братом, так и в наших сверстниках, благородный навык медленного чтения» [4, с. 37]. Именно театральное-литературное воспитание дает возможность Степуну так ярко и выразительно описывать свою жизнь, превращая автобиографию в художественное произведение.

Личность автора почти всегда играет большую роль в мемуарах, что важно отметить и в отношении Федора Степуна, который имел ряд индивидуальных особенностей. Кроме литературно-эстетического восприятия жизни, Степун обладал стремлением к широкому энциклопедическим знаниям, что значительно обогащало и раздвигало его мировоззренческие горизонты. Например, вспоминая о начале учебы в Гейдельбергском университете, он писал о том, что думал в то время, возражая на предложение не «разбрасываться»: «Я этому не верил, утверждая уже тогда, что жить надо так же, как играть в шахматы: обязательно всеми фигурами сразу. Кроме экзаменационных предметов, т. е. философии, государственного права и немецкой литературы, я в продолжение всех

семестров слушал историю, политическую экономию, историю древних религий, богословие и даже психиатрию – одним словом, почти все, кроме естественных наук» [4, с. 84]. Такая широта интересов была характерна не только для университетской учебы Степуна, но распространялась на все стороны жизни, богатство и многообразие которой ярко проявляется в описании российской провинции накануне Первой мировой войны.

Степун после окончания университета не превратился в типичного приват-доцента, окруженного книгами, а стал разбредным лектором, посетившим большое количество городов по всей России. Это дало ему множество впечатлений, которые получили отражение в воспоминаниях, при этом Степун стремился не просто описать встречи с различными людьми, а дать образ российского общества начала XX века. Общаясь с представителями разных общественных слоев, от рабочих и купцов до военных и аристократов, Степун получил богатый жизненный опыт и материал для социологического анализа, который постоянно возникает на страницах его воспоминаний. По мнению Степуна, Россия переживала расцвет в культурной и общественной жизни, но одновременно – глубокий кризис в политике. Стремление к знаниям и культурному творчеству было очень интенсивным в разных кругах общества, но, вместе с тем, нарастали нерешенные социальные проблемы, которые раскалывали единство России. Только объехав разные части обширной страны, Степун глубоко осознал все многообразие и единство России, о чем сообщил в мемуарах: «Лишь набравшись воздуха наших экзотических окраин, я реально восчувствовал имперскую великодержавность России, которая до тех пор была для меня пустым звуком в громком титуле государя императора. Как это важно воочию увидеть: все невиданное своими глазами неизбежно остается и недопознанным для нашего ума» [4, с. 197].

Степун рефлексировал не только относительно содержания воспоминаний, но даже по поводу самой исторической памяти, ее

особенностей. Он признает, что эмигрантская жизнь неизбежно располагает к тому, чтобы приукрасить прошлое, но вместе с тем настаивает, что следует отделять личные воспоминания от той реальности, которая была противоречива и порой жестока. По мнению Степуна, «хорошо мы жили в старой Москве, но и грешно» [4, с. 238]. «Грех» этой жизни был, как полагал Степун, в особой «праздности», которая «заклучалась не в том, что мы бездельничали, а в том, что убежденно занимались в известном смысле все же праздным делом: насаждением хоть и очень высокой, но и очень мало связанной с “толщью” русской жизни культуры» [4, с. 239]. Причины такой ситуации Степун не освещает, но из его воспоминаний они очевидны: высокая культура России начала XX века не имела широкого характера, а созидалась индивидуально, отдельными неповторимыми, оригинальными людьми – философами, писателями, поэтами, художниками, композиторами. Степун нарисовал целый ряд персональных словесных портретов, из которых становится понятным сам дух предвоенной и предреволюционной эпохи, ее творческая атмосфера. Он вспоминает Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрн, В. П. Свенцицкого, Андрея Белого, М. И. Цветаеву, Вяч. И. Иванова, А. Н. Толстого, А. М. Ремизова и др. Все эти творцы культуры не просто писали, а жили в своем особом духовном мире, мало связанном с трагической действительностью надвигающейся революции.

Неслучайно, что революция – одна из главных тем в воспоминаниях Степуна, ее описание, занимает весь второй том «Бывшего и несбывшегося». Революция является центральным событием для Степуна потому, что она была заключительным эпизодом его творческой деятельности в России, после чего началась уже другая жизнь – в эмиграции. И именно в революции Степун ищет объяснение и смысл своей эмигрантской жизни.

Революция для Степуна – это, прежде всего, стихия, которую трудно понять рационально. В таком понимании революции Степун несильно отличается от других фило-

софов, своих современников. Однако он пытался уловить и раскрыть в воспоминаниях основные направления в развитии революции, будучи очевидцем многих важных исторических событий. Стихийность первого революционного этапа («Февраля») вызывает особые трудности в описании у Степуна, который честно признается: «Октябрь стоит перед глазами со стереоскопической четкостью, воспоминания же о Феврале разорваны и туманны» [4, с. 322]. Эта «туманность» происходит от противоречивости, которой, как считал Степун, отмечена вся деятельность Временного правительства. Степун, вспоминая свои впечатления от общения с революционерами, отмечал: «Всюду царствовали случай и импровизация», при этом «души России, судьбы России в этом лагере никто не чувствовал» [4, с. 339, 339–340]. Революция для новых людей, пришедших к власти, стала фетишем, смыслом жизни. Ее сущностью были хаос и разрушение, и революционеры испытывали, по словам Степуна, особый «восторг перед гением революции», разрушая старую Россию.

С одной стороны, Степун в воспоминаниях описывает события, с другой – они постоянно переходят в исследование с подробным анализом и выводами, что делает их еще более интересными. У Степуна была своя версия неудачи февральской революции. Он считал, что при всей хаотичности и массовой психологии толпы, которые повлияли на развитие революции, не обошлось без личностных факторов. По мнению Степуна, катастрофу приблизили психологические противоречия между А. Ф. Керенским, Л. Г. Корниловым и Б. В. Савинковым, каждый из которых воплощал в себе разные стороны России (либеральную демократию, армию, революционный авантюризм), и между ними не было союза, а только бесконечные противоречия, приведшие в итоге к победе большевиков. Степун же верил в то, что компромиссы и объединение антибольшевистских сил в единый фронт могли предотвратить переворот. Но ведущие деятели «Февраля» не нашли

общей платформы для объединения, оставшись в тисках партийной и сословной психологии: А. Ф. Керенский не любил и не понимал армию, генерал Л. Г. Корнилов относился с подозрением к революционной демократии, разрушавшей армейский порядок, а бывший террорист Б. В. Савинков считал диктатуру спасением России от большевиков. Не найдя общего языка, они создали ситуацию, в которой, по словам Степуна, победили «низменные силы революции: ее нигилистическая метафизика, ее народно-бунтарская психология, требующая замирения на фронте и разгрома имущих классов, ее марксистская идеология, согласно которой задача пролетариата заключалась не в овладении государственным строем, а в окончательном разрушении его» [4, с. 445]. Развал государства, в том числе правового строя, привели к полному разрушению старой России, а декреты новой власти Степун даже сравнивает с сотворением нового мира в библейской книге Бытия. Когда коммунистический утопизм оказался не соединимым с реальной жизнью, большевики пошли по другому пути – укрепления и бюрократизации своей власти для подчинения России и осуществления на ее основе нового государственного проекта. И хотя Степун не сам уехал из России, а был выслан в 1922 году, его эмиграция стала естественным следствием революции и личного отношения к ней.

В эмиграции Степун продолжил творческую и научную деятельность, оставшись до конца жизни лектором-просветителем и хранителем русских культурных традиций. В 1920–1930-е годы своеобразной философской подготовкой к написанию будущих воспоминаний о России стали статьи Ф. А. Степуна в журналах «Современные записки» и «Новый град». Прежде всего, к ним относятся цикл «Мысли о России» (1923–1928) и некоторые статьи из «Нового града». В 1934 году, то есть за несколько лет до начала работы над воспоминаниями, Ф. А. Степун уже попытался кратко сформулировать актуальную «идею России», которую он передал в следующем рассуждении: «Русская идея

в своей проекции на действительность заключается таким образом в том, чтобы всем нам, отбиваясь от наступающей на нас в эмиграции денационализации и от цивилизаторско-идеологического варварства большевицкого марксизма, осознавая, растить в себе и, растя, осознавать подлинную природу русской духовности и своеобразный стиль русской культуры. Основными «категориями» этой духовности в ее положительном полюсе я считаю: Лик, лицо, око, глаз, глазомер, святость, предметность, действенность, конкретность, трезвость, соборность» [6, с. 499]. Можно сказать, что у Ф. А. Степуна уже перед началом работы над воспоминаниями была разработана идейная и мировоззренческая основа для понимания России, ее исторической судьбы и «стиля русской культуры».

Совсем другой подход к написанию воспоминаний предложил философ и правовед Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951). В отличие от москвича Степуна он жил не в центральной России, а на окраинах Российской империи – сначала в Царстве Польском, потом в Малороссии (Киеве), и его воспоминания в основном относятся именно к этим регионам. Кроме того, Спекторский был университетским профессором и ученым, интересы которого почти не выходят за границы науки, что естественно отражается в его мемуарах. Однако самая главная особенность Спекторского – это его подход к исторической памяти. В его тексте нет какой-то явной индивидуальной концепции в организации личных воспоминаний, Спекторский просто пишет все, о чем может вспомнить, то есть дает подробный биографический материал с бесконечным множеством фактов и деталей, словно предоставляя самому читателю разбираться в том, что важно или не важно – с исторической точки зрения. Таким образом, «Воспоминания» Спекторского представляют интересный текст для анализа как мировоззрения автора, так и феномена исторической памяти.

Воспоминания Е. В. Спекторского долгое время считались утраченными. В 2008 году стало известно, что они приобре-

тены Исследовательским центром Восточной Европы при Бременском университете, после чего началось их изучение и введение в научный оборот. Первая полная публикация мемуаров Е. В. Спекторского осуществлена в 2020 году. Спекторский писал воспоминания предположительно с конца 1930-х годов [1, с. 37]. Он поражает подробностью описания, огромным количеством различных бытовых мелочей. Публикатор С. И. Михальченко объясняет это тем, что написанию воспоминаний предшествовало ведение Е. В. Спекторским дневников («Летописи» с пометкой «Не для печати») [1, с. 40], которые служили исходным материалом для более точной реконструкции событий. Кроме того, Спекторский мог использовать некоторые свои книги, ранее опубликованные, например, издание «Столетие Киевского университета св. Владимира (1834–1934)» (Белград, 1935). Воспоминания Е. В. Спекторского были серьезной и продуманной работой, направленной на осмысление жизненного опыта, хотя их текст был не закончен и не отредактирован автором [1, с. 41].

В воспоминаниях Спекторского не так часто выражена авторская позиция с эмоциональными оценками, но зато есть много фактов, из которых складывается объемная картина дореволюционной жизни. Так, например, Спекторский с самого начала уделяет немало внимания межнациональным отношениям в Царстве Польском – между поляками, немцами и русскими. Из его описания можно сделать вывод, что долгое время сохранялся баланс между национальностями, несмотря на польский национализм. Хотя государственное управление в основном было в руках русских и немецких чиновников, полякам была предоставлены благоприятные условия и возможности для реализации личных амбиций в промышленности, торговле, сельском хозяйстве.

Спекторский, описывая различные стороны жизни, все же очень часто останавливается на образовании и науке, которые занимают важное место в его воспоминаниях.

Для него Россия была, прежде всего, носителем высокой научной культуры. Например, в 1869 году на основе Главной школы был учрежден Императорский Варшавский университет, в который поступил Е. В. Спекторский. Его учителем и университетским наставником стал А. Л. Блок (отец знаменитого поэта). Спекторский признавался в воспоминаниях: Блок «углубил во мне вкус к философской стороне науки», «внушил мне, что у каждой мысли есть только одна сопутствующая ей форма выражения» [3, с. 79]. Однако дело заключалось не только в индивидуальном влиянии Блока на Спекторского, а в том, что Варшавский университет был в то время типичным русским университетом и не только потому, что преподавание в нем велось на русском языке. Университет дал Спекторскому не просто образование, а культурный базис и национальную идентичность. Спекторский, проведя детство и юность в Польше, именно благодаря образованию (сначала в гимназии, потом в университете) остался на всю жизнь человеком, имеющим русское мировоззрение, при этом почти всегда он находился за пределами центральной России. Таким образом, Спекторский обладал историческим сознанием, которое делало его русским ученым. Следы этого сознания можно обнаружить на многих страницах его воспоминаний.

В воспоминаниях Спекторского представлен особый взгляд на окружающую действительность, автор смотрит глазами русского человека на окраины Российской империи, то есть на жизнь людей с другим национальным и культурным мировоззрением. Однако следует отметить, что у Спекторского нет и тени национализма. Наоборот, он ездил в научные командировки в Западную Европу, жил и слушал лекции в Париже и Гейдельберге, был открыт к восприятию других культур и народов. Вспоминая путешествия по Европе, Спекторский стремился зафиксировать максимальное количество фактов, по сути не просто описывая, а всесторонне реконструируя в словесной форме свои жиз-

ненные впечатления. Его автобиография превращается в ценное свидетельство об эпохе в европейской истории.

Воспоминания Спекторского имеют еще одну особенность, которая заметна при сравнении с мемуарами Степуна, постоянно соотносящего события с будущей революцией. Спекторский последовательно описывает жизнь с точки зрения текущего, настоящего времени, дистанцируется от будущих потрясений и фундаментальных изменений жизни. Для него важно передать ощущения ушедшей эпохи. Конечно, нарастающий революционный распад общественного бытия уже ощущается, но у Спекторского он отмечен только редкими, краткими фразами: «Начало японской войны вызвало у нас мрачные предчувствия...», «С осени 1904 года чувствовалось, что русская государственность расшатывается и подрывается», «Приехав на праздники в Петербург к кузену Володе, я увидел еще более удручающее, чем в Варшаве, зрелище похода т. н. общественности против государственности» [3, с. 129, 134, 135]. Однако Спекторский не раскрывает смысл этих отдельных фраз, а продолжает описание текущей научной и университетской жизни (например, подробно останавливаясь на смерти и похоронах своего учителя А. Л. Блока, или описывая трудности, возникшие в связи с защитой магистерской диссертации). Однако условия и ритм жизни радикально меняются с началом Первой мировой войны и переездом Спекторского в Киев.

В Киеве Спекторского застаёт революция 1917 года, о которой в его воспоминаниях написано не так много. В основном Спекторский пишет о том, как революция отразилась на университете и академической жизни, ограничиваясь общими скупыми фразами: «Университет был выбит из колеи», «Бывали дни, когда казалось, что мы находимся в каком-то бедламе» [3, с. 228, 229]. Еще более ситуация усугубляется после начала немецкой оккупации и затем гражданской войны. Спекторский очень подробно описывает этот период, за который в Киеве произошло не-

сколько радикальных переворотов, сменились разные противоборствующие власти – немецкая, петлюровская, большевистская, добровольческая (белогвардейская). В 1918–1919 годах Спекторский был ректором Киевского университета и, пережив большевистский террор и петлюровские грабежи, в большей степени симпатизировал Белой армии, с отступлением которой он в начале 1920 года покинул Киев. Будучи достаточно аполитичным человеком, Спекторский отдал предпочтение одной из сторон конфликта, руководствуясь не политическими причинами, а исходя из приверженности идеям гуманизма, этики и высокой культуры, полное отсутствие которых он обнаружил как в большевиках, так и в украинских националистах. Перед взятием Одессы Красной армией Спекторский сознательно выбрал эмиграцию, которой он посвятил отдельную часть своих воспоминаний, что принципиально отличает его от Ф. А. Степуна, не касавшегося темы эмигрантской жизни. Впрочем, Спекторский о вынужденной эмиграции тоже был невысокого мнения, как и А. И. Герцен, которого он цитирует: «Я не знаю на свете положения более жалкого, более бесцельного, как положение русского эмигранта» [3, с. 279]. Однако Спекторский нашел цель и смысл эмигрантского существования в педагогической и научной деятельности – сначала в Белградском, а затем в Люблянском университете. Югославия почти на двадцать пять лет стала местом его постоянного жительства.

Спекторский достаточно быстро адаптировался в Белграде и включился в университетскую жизнь. Первоначально ему предлагали просто числиться на юридическом факультете университета и получать оклад профессора, но он отказался, считая, что должен зарабатывать своим трудом. Первоначально Спекторский читал лекции на русском языке для студентов, которые эмигрировали из России, но затем перешел на сербский язык. Его лекционные курсы, посвященные конституционному праву и учениям о государстве, охватывали столь большую аудиторию, что

спустя какое-то время Спекторский столкнулся с такой ситуацией: «Через несколько лет во всех учреждениях, в которые я входил, мне навстречу поднимался чиновник, слушавший мои лекции или державший у меня экзамен» [3, с. 319]. Спекторский объяснял это тем, что юридический факультет «считался скорей школой чиновников, чем ученым учреждением» [3, с. 319]. Именно русские профессора изменили положение на юридическом факультете Белградского университета, начав активно заниматься научно-исследовательской деятельностью. Так, например, Ф. В. Тарановский и А. В. Соловьев приступили к фундаментальному изучению истории сербского права – один исследовал опубликованный материал, другой работал в архивах.

В воспоминаниях Спекторского содержится много интересной информации о жизни русских эмигрантов в Сербии. В целом Спекторский делит русскую эмиграцию на две группы: одни, надеясь на скорое возвращение в Россию, жили обособленно от местного населения, не изучая сербского языка, другие же стремились найти стабильный заработок и встраивались в сербскую действительность. Сам Спекторский явно относился ко второй группе и дал следующую характеристику, объясняющую, почему русских охотно брали на государственную службу в Сербии: «Вместо того, чтобы призывать немцев и мадьяр, страна получила в лице русских немало прекрасных специалистов, работавших плодотворно, не за страх, а за совесть, и оставивших немало положительных следов своей деятельностью» [3, с. 347]. Для Спекторского адаптация к местной, сербской жизни не была особенно трудной, учитывая его знание иностранных языков и работу сначала в Варшаве, а потом в Киеве. Его образование и жизненный опыт делали возможным как терпимость в отношении к другим народам, так и сохранение русского мировоззрения, исторической памяти. Более того, Спекторский стал чувствовать себя не только русским эмигрантом,

но заявил в воспоминаниях, что является «славянином» и «государствововедом» [3, с. 352]. Иначе говоря, для Спекторского его русское самосознание стало частью общеславянского культурного мировоззрения.

Общая история и культура, как полагал Спекторский, создают историческую память народов, объединенных одной судьбой. Неразрывная связь поколений формирует историческую память, к которой приобщаются отдельные личности, вносящие свой вклад в ее понимание и развитие. Передача исторической памяти происходит на ментальном уровне как через семейное воспитание, так и образование. Для Спекторского гуманитарные науки являются важной основой для передачи исторической памяти. Если Ф. А. Степун был привязан к России не только культурно, но и в бытовом отношении, то Спекторский понимал свою принадлежность к России совершенно отвлеченно от географического пространства. Это дает ему определенные преимущества в рассмотрении тех процессов, которые формируют личные воспоминания и общую историческую память.

В так называемых «исследованиях памяти» (memory studies) очень часто делается акцент на «историческое пространство» [2], особое восприятие каких-либо мест, связанных со знаменитыми событиями. В той или иной мере данный аспект представляется важным. Например, в воспоминаниях Ф. А. Степуна Москва и Петербург являются пространствами, на которых совершаются все главные события. В воспоминаниях Е. В. Спекторского историческое пространство имеет некую условность, оно всегда организуется сознанием автора, раскрывается в ментальной сфере событий. Учитывая, что Спекторский описывает большое количество лиц, с которыми его сталкивала судьба, то историческая память у него имеет межличностный характер, развивается преимущественно в категориях личностного восприятия «времени» и «вечности». То, что, проходя через «время», остается в «вечности», можно назвать «исторической памятью», поэтому для Спекторского Россия не может исчезнуть до тех пор, пока есть люди, обладающие памятью о ее прошлом.

Список литературы

1. Михальченко С. И. О воспоминаниях Е. В. Спекторского // Спекторский Е. В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 37–42.
2. Селунская Н. Б., Петрова О. С. Образ России как «исторического пространства» в историографическом дискурсе и в памяти русской эмиграции // Человеческий капитал. 2021. № 3 (147). С. 70–80.
3. Спекторский Е. В. Воспоминания. Рязань, 2020. 654 с.
4. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. изд. 2-е, испр. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. 651 с.
5. Степун Ф. А. Письма. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 683 с.
6. Степун Ф. А. Сочинения. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 1000 с.

*

Поступила в редакцию 14.12.2023